

Каждый человек — воин, и в сердце каждого воина притаился злой дракон. Он неотрывно следит за тобой, шаг за шагом увлекаая в бездонную пропасть.

Ты, стоящий перед выбором, — хочешь пасть в эту бездну или сразить дракона? Кто ты: рыцарь справедливости или шут из тьмы? Это два пути, с которых нет возврата, но как отличить добро от зла? Что есть добро, а что зло? Какой путь выберешь ты?

Холодный ветерок растрепал короткие волосы Сюй Тая. Он еще не успел оправиться от кошмарного сна, как воздух наполнился тяжелым, едким запахом. От этого Сюй Таю стало не по себе, а после внезапного приступа дурноты в зал вкатили гроб с телом, которое только что привели в порядок.

Крышку приоткрыли наполовину. Внутри лежала девушка лет семнадцати-восемнадцати. Несмотря на то что лицо выглядело слегка румяным, от него веяло такой мертвенной стужей, что по спине пробежал холодок. Алое платье казалось настолько ярким, словно с него вот-вот закапает кровь, отчего кожа девушки казалась еще нежнее, белее и вместе с тем мертвенно-бледнее. Тонкие пальцы были сложены вместе, изящная фигура вытянута, на ногтях ног алел лак, а густые волнистые волосы разметались по подушке.

Горы замерли в скорбном молчании, весь мир вокруг затих. Из прощальной речи Сюй Тай узнал, что Цзян Синькэ была единственным ребенком в семье, любимицей родителей, стройной, умной и одаренной — самой многообещающей наследницей клана Цзян. Но теперь, в самом расцвете юности, она внезапно угасла, превратившись в яркую падающую звезду и оставив после себя лишь горечь утраты и скорбь по безвременно ушедшей.

Сюй Тай, чья жизнь только начиналась, не знал, что такое смерть, и тем более не понимал, что значит прощание. Его внимание привлек венчик из цветов, обрамлявший гроб, и он потянулся к лепесткам хризантем, которые казались еще свежими и влажными от росы.

— Эй, малыш, не трогай!

Цзян Синькэ, чья кончина только что была оплакана, сидела в гробу. Одной рукой она оттолкнула детские ручонки Сюй Тая, тянувшиеся к цветам, а затем приветливо улыбнулась ему.

— Ты! Ты... почему ты лежишь там? — Сюй Тай замер, рука его повисла в воздухе. Сердце подскочило к самому горлу. Он указывал на ожившую мертвечину, во рту словно застрял ком, а ноги дрожали, как в лихорадке.

— Потому что я умерла, — Цзян Синькэ пожала плечами с таким равнодушием, будто сама не была главной героиней этой похоронной процессии.

— Тогда... почему ты умерла? — Сюй Тай со страхом разглядывал ее наряд. Его обуревал то ужас, то жалость: такая молодая, она не должна была лежать в этом холодном деревянном ящике.

— Все из-за тебя, — Цзян Синькэ смотрела остекленевшими глазами на своих родителей, которые уже выплакали все слезы, и ее лицо становилось все мрачнее.

— Из-за меня? Но я ведь тебя даже не знаю!

Сюй Тай указал на себя. Его бледное лицо постепенно порозовело, а голос стал увереннее. Хотя эта старшая сестра была призраком, он чувствовал к ней странную близость.

— Я тебя тоже не знаю... Но я знаю твоего отца, Сюй Таня! — она прищурилась и легко улыбнулась, но в глубине ее глаз затаилась печаль.

— Мой отец... что с ним?

На душе у Сюй Тая стало беспокойно. Как это все связано? То Цзян Мэнци из клана Цзян, то его собственный отец Сюй Тань...

— Ладно, если я все выложу, то окончательно развеюсь прахом, — она горестно вздохнула и снова легла в гроб.

— ...

Вдруг она выпрямилась, как струна, сильно напугав расслабившегося Сюй Тая!

— Как же скучно слушать эти речи. У тебя есть карты?

— Карты?

— Ну, покерные карты, понимаешь? — она изобразила пальцами прямоугольную форму.

Сюй Тай был в полном недоумении. Он скосил глаза и, надувшись, спросил:

— Сестренка, прошу тебя! Я пришел на твои похороны! Не могла бы ты, как главная героиня, вести себя серьезнее? Кто вообще играет в карты с покойниками?

— Мне... мне просто скучно... — Цзян Синькэ ерзала в гробу, то теребя цветы, то постукивая по бортику, наглядно доказывая, что крышка гроба — не помеха, если очень хочется.

— Сестра, ну прояви уважение, это ведь твои похороны... — Сюй Тай вытер пот со лба. Ему нечего было сказать. Такое философское отношение к жизни и смерти, кроме Чжуан-цзы, было разве что у Цзян Синькэ.

— Эй, раз карт нет, покажу тебе кое-что поинтереснее.

— Что именно? — Сюй Тай заинтересовался, но сохранил предельную осторожность, не приближаясь.

Цзян Синькэ презрительно фыркнула, поманила его ближе и съязвила:

— Ты же Рожденный с духовным корнем, почему такой трус? Меня боишься? — Она положила руку на край гроба, взяла Сюй Тая за маленькую ладошку и спросила: — Смотрел ужастики?

— Смотрел.

— А ужастики вживую видел?

— Нет...

— Смотри!

Цзян Синькэ указала на свой портрет, висящий на стене, и тихонько хихикнула.

Сюй Тай взглянул — и чуть не лишился чувств. Раньше он не верил в призраков, но теперь пришлось поверить. На фотографии рот Цзян Синькэ растянулся в букве О, черты лица исказились, и черно-белый снимок сделал ее неотличимой от мертвеца. Впрочем, она и была мертва. Смех, доносившийся от нее, поначалу казался девичьим и радостным, но теперь Сюй Тай уловил в нем визгливые нотки, полные ненависти. Лицо, выражавшее одновременно скорбь и восторг, словно пыталось выбраться прямо из фотографии. Она, казалось, видела Сюй Тая и, хлопая в ладоши, радостно приговаривала:

— Ты видишь меня, ха-ха! Окаянное отродье, ты заслуживаешь смерти. Раз мне не суждено стать главой, то и тебе не видать!

— Сестренка! Можно не так быстро менять выражение лица?! — Сюй Тай долго не мог прийти в себя. Ноги дрожали, он едва держался на месте, словно сухая ветка на ветру.

— Брат? Ты правда такой трусишка?

— Да пошел ты...! — Сюй Тай не сдержался и выругался. Он был в полном оцепенении, не зная, что делать дальше. К счастью, он держался за руку матери — в этот момент ему была жизненно необходима эта опора. Пусть она не могла защитить от всего, но давала хоть какое-то утешение. — Я все расскажу маме!

— Рассказывай! Все равно никто тебе не поверит! — Цзян Синькэ озорно высунула язык, корча рожицы, чтобы подразнить его за трусость.

Сюй Тай знал, что ему не поверят, но решил попробовать. Он дернул мать за рукав:

— Мама! Цзян Синькэ не умерла, она жива! Она улыбается мне!

Мать и сама сомневалась в этих похоронах, и она знала, что Сюй Тай, обладающий пронизательным взором, не стал бы врать. Но за этими похоронами скрывался куда более страшный заговор. Она не хотела, чтобы сын оказался втянут в эту опасную игру, и боялась козней злодеев. Холодно усмехнувшись, она щелкнула его по лбу в знак предупреждения:

— Не говори ерунды!

Видя, что даже мать ему не верит, Сюй Тай испытал разочарование, но еще больше — злость. Он обиженно отпустил ее руку.

— Ха-ха-ха! Я же говорила! Никто тебе не поверит.

Цзян Синькэ, свесившись с края гроба, наслаждалась представлением. Она накручивала прядь волос на палец, кокетливо стреляла глазами, а уголки ее губ поднялись в торжествующей усмешке. Она покачала головой, делая вид, что жалеет его.

— Черт! Нас заметили...

Заметив вдалеке странного старика, она внезапно помрачнела и стала торопить Сюй Тая уйти.

— Уйти? Почему?

— Не задавай столько вопросов! Уходи! — она принялась толкать его в спину, но, не имея возможности выбраться из гроба, не могла оттолкнуть его достаточно далеко.

Сюй Тай, полный вопросов, стоял недалеко от гроба, чесал затылок и с любопытством наблюдал за ее действиями.

— Если не уйдешь, я тебя съем! — Цзян Синькэ вдруг изменилась: ее голос стал холодным и пугающим. Она пыталась своим ужасающим видом прогнать его, спасти от темной ловушки.

Когда Сюй Тай снова взглянул на нее, половина ее тела уже вылезла наружу. Растрепанные волосы делали ее похожей на призрака из фильма ужасов. Холодный, едва уловимый ветер пронизывал кожу, леденя внутренности. Ноги Сюй Тая подкосились, он сел на пол и начал пятиться, упираясь пятками, пока спина не коснулась стены. Он был готов разрыдаться:

— Не подходи, не подходи! — он отмахивался руками, не в силах смотреть на это чудовище.

Окружающие были в шоке. Кто-то тихо посмеивался, перешептываясь, что мальчишка не в

себе. Старики, склонные к суевериям, шептались, что девочка умерла с обидой и вселилась в Сюй Тая. Мать Цзян Синькэ и отец Цзян Мэнци стояли с неопределенными лицами, в которых проскальзывало облегчение от того, что беда миновала. Они держались очень близко друг к другу. Мать Цзян Синькэ пыталась глубоко дышать, но, боясь быть замеченной, лишь судорожно вздымала грудь.

Сюй Тай оказался под прицелом всех присутствующих, но никто не протянул ему руки помощи. Это равнодушие оставило неизгладимый след в его детской душе. Он не мог забыть их взгляды — словно они смотрели на безумца или шута, разыгрывающего комедию. Кто-то даже бросил в его адрес язвительную насмешку:

— Посмотрите на этого дурачка!

Слава богу, мать пробилась сквозь толпу зевак и крепко обняла Сюй Тая. Он был изможден, волосы в беспорядке, он что-то бессвязно бормотал, а конечности его подергивались, словно в припадке...

— Не убежишь! Догоню — съем!

У Сюй Тая не было сил бежать, он просто сидел на полу, потерянный в огромном зале, не в силах найти выход.

— Тварь... куда же ты...

В зале воцарился хаос. Снаружи донесся громopodobный голос. Сюй Тай не успел обернуться, как увидел, что Цзян Синькэ окутало зеленое сияние, отчего ее алое платье стало казаться черным и зловещим. Она корчилась от боли, словно ее жгли адским пламенем и рвали на части, а тысячи невидимых гвоздей пригвоздили ее к гробу. Она кричала и выла, но была лишь несчастной душой, которой никто не мог помочь. Никто, кроме Сюй Тая, не видел этой сцены. Он пытался вспомнить тот звучный, хриплый голос — это был он! Тот самый злодей, что запер его в гробу! Но когда он в смятении обернулся, снаружи было пусто...

Цзян Синькэ, содрогаясь от мук, прохрипела:

— Уходи!

Сюй Тай наконец послушался и, спотыкаясь, выбежал из зала прощаний.

Видя, что Сюй Тай покинул опасное место, Цзян Синькэ облегченно вздохнула. Несмотря на то что все тело ее было сковано, в глазах ее, налитых кровью, пылала ненависть. Собрав остатки своей изломанной души, она закричала в небо:

— Сюй Хо... и вы, предатели из Шести врат... Я, Цзян Синькэ, даже если умру и развеюсь прахом, не прощу вас!

— Посмотрим, хватит ли у тебя сил!

Внезапная черная дымка намертво приковала ее к гробу, а тысячи отвратительных насекомых окутали ее душу, начав медленно пожирать ее...

Возможно, когда ты ступаешь на путь убийцы драконов с мечом в руках, невежественные люди будут считать тебя лишь безумцем. Никто не придет на помощь, не будет ни цветов, ни оваций — лишь предательство и насмешки. Что ж, будь шутком. Улыбайся и живи дальше.

<http://bllate.org/book/22324/2338161>